

СПАСО-ПРИЛУЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПОВЕСТИ К. КОНИЧЕВА «В ГОДУ 30-М» И В РОМАНЕ В. БЕЛОВА «ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Одна из наиболее значительных тем в отечественной литературе XX века – коренные изменения, произошедшие в стране в ходе коллективизации. Представленная с разных идейно-эстетических позиций, она становится определяющей в произведениях М. Шолохова («Поднятая целина»), Ф. Панферова («Бруски»), А. Платонова («Чевенгур» и «Котлован»), Б. Можая («Мужики и бабы»), В. Быкова («Облава»).

В творчестве вологжан тема «коллективизация и жизнь колхозной деревни» является достаточно устойчивой. Ей посвящены стихотворения и поэмы С. Викулова («На покосах», «Доска почета», «По праву земляка», «Преодоление», «Письма из деревни»). Она объединяет ряд повестей К. Коничева («Тропы деревенские», «По следам молодости», «Деревенская повесть»). И Викулов, и Коничев убеждены в необходимости осуществляемых перемен. Иная точка зрения представлена в трилогии В. Белова «Час шестый», в которой голос обретают крестьяне, причисленные к «кулацкой верхушке», выселенные из родных домов, отправленные в лагерь и тюрьмы.

Остановимся на двух произведениях вологодских авторов, посвященных теме коллективизации. Между повестью К. Коничева «В году 30-м» и романом В. Белова «Год великого перелома» можно обнаружить ряд идейно-образных перекличек. Наиболее очевидная параллель – поэтика заглавий произведений, акцентированных с точки зрения временных категорий.

События происходят в одно время, общим пространством для них является Вологда, где разворачивается значительная часть сюжета. Прибытие в Вологду спецпереселенцев сопровождается мотивом «неслыханных перемен», ломающих жизненный уклад крестьян. К. Коничев: «По всей стране шла массовая коллективизация <...> Эшелон за эшелон двигались на север поезда с Украины и Белоруссии <...> И в этом движении поездов было что-то нео-

бычайное, неслыханное, невиданное и неожиданное»¹. В. Белов: «Детский плач и женские причитания не стихали в вагоне. Последние наказания через стенку <...> крики конвойных <...> сливались в сплошную разноголосую звуковую путаницу <...> Все путалось в мире и вставало с ног на голову»² [с. 58].

Одним из таких смысловых сдвигов оказывается размещение героев в вологодских церквях и монастырях, превращенных в тюрьмы. В повести Коничева этот факт не вызывает рефлексии, он оценивается только с точки зрения целесообразности: «К приему и расселению раскулаченных местные организации на севере не были готовы... в Вологде было много пустующих церквей. Вспомнили тогда и о забытых монастырях и подворьях. Они также пригодились как временные жилища для раскулаченных». Ключевое слово здесь – жилище, и при описании происходящего внутри монастырских стен акцент делается на бытовой организации жизни: «Прибывшие с Украины куркули с семьями разместились <...> в церквях и монастырских служебных домах <...> сидели около костров, грелись, кипятили воду, что-то варили, что-то выпекали на сковородках и шумно балакали».

В обоих произведениях монастырские эпизоды несут важную смысловую нагрузку. В вологодском топосе выделены два монастыря: Свято-Духов, в котором расположено местное отделение ГПУ, и Спасо-Прилуцкий, превращенный в тюрьму для высланных на север украинцев. В Свято-Духовом происходят диалоги между персонажами, олицетворяющими новую идеологию (Касперт у Коничева и Райберг у Белова), дистанцированными от происходящей крестьянской трагедии, с людьми, которые с этой трагедией сталкиваются непосредственно (Касперт отправляет молодого сотрудника в Прилуки, чтобы сопровождать «куркулей» под Тотьму, из Прилук доставлен на допрос к Райбергу поп Рыжко).

Позиция повествователя в описании монастырского пространства у обоих авторов адекватна внутреннему миру героев, являющихся субъектами видения. Под субъектом видения понимается тот персонаж, чей угол зрения определяет содержание описания. Заме-

¹ Коничев К.С. В году 30-м [Электронный ресурс] / К. Коничев. – Режим доступа: litresp.ru. (Текст повести цитируется по этому источнику.)

² Белов В.И. Год великого перелома. Час шестой // Белов В.И. Собрание сочинений: в 7-ми т. – Т. 4. – М.: РИЦ «Классика», 2011. (Текст произведения цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в квадратных скобках.)

тим, что Коничев и Белов используют разные повествовательные структуры. В повести Коничева точка зрения повествователя соотносится с позицией одного персонажа, являющегося проводником государственной идеологии в крестьянском вопросе. Читатель видит происходящее в Прилуцком монастыре глазами Ивана Судакова, двадцатипятилетнего сотрудника ГПУ. Его нельзя назвать человеком-функцией, как Касперта:

« – Сегодня же поведете по одному из своих маршрутов семьсот кулаков вот сюда, в северную часть Тотемского уезда... <...>

– Понятно. Откуда людей будем брать?

– Не людей, а кулаков, – поправил начальник. – Из-за стен Прилуцкого монастыря».

Судаков способен сочувствовать людям, которых сопровождает: «Куркули – куркулями, а отношение к ним чтоб человеческое». Эту особенность героя отмечает повествователь: «Подчас чувство жалости проникало и в его сознание». Сомнение относительно правильности происходящего, закрадывающееся в сердце Судакова, укрепитя, когда придет письмо от отца, которого власти «жмут и жмут».

Однако он убежден в исторической необходимости происходящего. Именно этот персонаж формулирует идею повести: «великий перелом – правильный перелом». Впоследствии Судаков отправится «поднимать колхозы», в будущее которых верит безоговорочно.

В целом у Коничева соответственно традициям шолоховской «Поднятой целины» используется достаточно жесткая идеологическая схема: персонажи отчетливо разделены на «своих» и «чуждых». Выселение с родных земель «куркулей» с Украины и с юга России и вологодских «кулаков» – необходимая мера в процессе коренного переустройства деревни.

Но с властью, по крайней мере, возможен диалог. В повести Коничева переселенцы выясняют имя ее представителя и вступают с Судаковым в разговор. Несмотря на «злобную покорность судьбе», они пытаются узнать, что их ждет в будущем, надеются на торжество социальной справедливости. Шалюпа характеризует масштаб трагедии: «у нас на Украине такая содомия и гомерия происходит – хуже всякой войны! <...> Гнут, загигают, высылают и баста!.. Ох, чем это кончится?..»

Хотя Судаков не отвечает на эти реплики, он слышит голоса гонимых, различает их по именам и даже впоследствии сам ищет контакта с Охрименко. Заметим, что в романе Белова власть для со-

державшихся в Прилуках украинцев совершенно анонимна, ее безмолвным символом является часовая, существующий вне реального исторического времени: «На смотровой башне, как в смутные времена, перетаптывался воин, смотрящий, но выглядывал он не наружных врагов, а обитателей внутренних» [с. 64].

Внутреннее пространство Спасо-Прилуцкого монастыря в романе В. Белова увидено глазами двух персонажей: украинки Параски и священника Перовского. Столь разные персонажи встречаются случайно: Перовский перевозил украинцев из Московской тюрьмы в церковь Андрея Первозванного, в качестве возчика сопровождает их в Прилуки. Параска и Перовский выступают как своеобразные двойники, что подчеркивается созвучием ее имени и его фамилии. В восприятии обоих Прилуцкий монастырь становится символом перевернутого мира. Оба героя как будто выпадают из реальности и погружаются в прошлое.

Параска, уже покорившаяся обстоятельствам, приближаясь к монастырю, «возвращается» на Украину: «время опять кидало ее далеко назад. В глазах плыли <...> золотые маковки Киевской Лавры <...> Только что же это такое? Соборные маковки стали вроде не те <...> и Лавра была вроде не Лавра... <...> Прилуцкий северный монастырь встретил Параску холодным ужасом» [с. 62]. Первые минуты ее пребывания в монастыре наполнены душевным и физическим страданием: «силы совсем ее покинули. Память <...> растаяла, и Параска провалилась во тьму. Она <...> бросилась, как затравленная, в сторону плачущего ребенка <...> У нее что-то обрушилось внутри от страха» [с. 63].

В отличие от повести Коничева, где мужчин уводят уже из монастыря, в беловском романе их отделяют от семей еще на вокзале, в пересыльных пунктах оказываются только старики, женщины и дети. Предельно повышается ощущение человеческого горя, выразителем которого и является в этом эпизоде Параска: «...за что же, за что посылает Господь такие страдания и муки?» [с. 62].

Ответ на этот вопрос ищет и Перовский, с точки зрения которого дается дальнейшее описание монастыря. Но он размышляет не столько о своей личной судьбе, сколько об исторических судьбах всего народа.

Среди основных содержательных элементов образа монастыря в восприятии бывшего священника доминантную роль играет мотив холода. И в повести Коничева, и в романе Белова перемещение героев с юга на север связано с температурным дискомфортом: «В

марте на юге России зима свертывалась. Земля местами обнажалась <...> На севере свирепствовали крепкие морозы и лежали глубокие снега: до настоящей весны здесь оставалось еще два месяца» (Коницев). У Белова мотив стужи обретает и метафизический смысл: холод проникает в сердце, опустошает душу героев. Этот мотив вступает в смысловое сцепление с мотивами болезни и смерти: «...на морозе запах сквозного поноса стал еще пронзительнее. Тиф гулял по монастырю в одном строю с дизентерией. "Перемешалось дерьмо и толокно, – подумал Перовский <...> – Уже разверсты врата преисподней... Да и чем лучше поверх-то земли?"» [с. 63].

Образ монастыря в сознании Перовского прочно связан с адом, в создании этой параллели важны свет и цвет (точнее, их отсутствие), звуки и запахи: тьма, шум, теснота, холод и вонь испражнений: «бесчинствовал холод <...> ночной сумрак уже нарождался под сенью юго-западных стен»; «В соборе было холодно, стены заиндевели, человеческий муравейник не стихал круглые сутки. Круглые сутки скрипели, грохотали железные двери, круглые сутки плакали дети, стонали старые люди, и круглые сутки витал под сводами запах жидкого кала» [с. 65]. «Монастырь являл собой странный, как бы не совсем и здешний образ: собор стоял посреди человеческого кала, горящих костров и каких-то жалких пожитков» [с. 63–64].

Эти не характерные для монастырской жизни явления вызывают у бывшего священника «смуту душевного раздвоения» [с. 63] и напоминают о смутах исторических. В «перевернутом» монастырском пространстве болезненно-острым становится ощущение «зазеркальности» исторического времени, которое, «словно оставленное под этими сводами, иногда <...> срывалось в далекое прошлое, и отец Николай явственно слушал, как пели сорок монахов, заживо сжигаемые в деревянном Прилуцком храме. То были тоже смутные времена» [с. 65]. Белов обращается здесь к известным фактам (монастырь существенно пострадал в годы Смуты), в частности, к событиям, произошедшим в декабре 1619 года, когда во время нападения литовцев и «русских воров» были заживо сожжены находившиеся в трапезной монахи.

Современной параллелью этих событий являются судьбы ленинградских священников, епископа Великоустюжского и викария Вологодского Иерофея, и патриарха Тихона. Строки из послания патриарха Перовский вспоминает в Прилуках: «Гонения воздвигли на истину Христову <...> враги сей истины и стремятся к тому,

чтобы <...> вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани...» [с. 65–66]. Логика соотнесения событий начала XVII века с современностью реализует авторскую концепцию исторического времени как замкнутого круга, неизбежной повторяемости Великой Смуты в судьбе России, а трагедия крестьян обретает масштаб общехристианский.

В монастыре отец Николай переживает духовный кризис, оказывается в экзистенциальной ситуации: в абсурдном мире, символом которого становится оскверненная святыня, он обречен быть Хароном-Сизифом, перевоза тела умерших из Прилуки на Горбачевское кладбище, чувствовать себя «богооставленным», отступившим от веры: «Да и во Христа-то уже веришь ли?» [с. 66]. Это ощущение становится особенно страшным, когда Перовский не может вспомнить полный текст Символа веры и приходит к мысли, что служит бесам. После этого он все-таки произносит 37 псалом: «... несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих <...> Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего...» [с. 66–67]. Далее следует сон Перовского, в котором мир переворачивается с ног на голову: «Реют белые легкие облака <...> не вверху, а внизу» [с. 67]. Во сне он «переживает» собственную смерть как отступник от веры, слышит чей-то голос, читающий молитву: «Через бурю напастей по житейскому морю притекаю к тихому пристанищу и молю Тебя: спаси от тления живот мой... <...> Призри на мя свыше, милость Божия, увидев Тебя, от тела отойду радуясь» [с. 67]. Пробуждаясь, Перовский понимает, что его безымянный двойник «подпольный батюшка», отпевает какого-то Андрея. С ним самим происходит чудо духовного воскрешения в роли пастыря, и он готов пострадать за веру и за право узников Спасо-Прилуцкого монастыря на последнее таинство: « – Кто тут ночью разводил панихиду? – звонко воскликнул веселый пришелец. – Ну? Не скажется сам, всех выпотрошу на мороз! хоть вы и куркули, а передохнете, как тараканы! <...> Николай Иванович поднялся и вдруг громко на весь собор воскликнул: – Я поп!» [с. 68–69].

Из Прилуки отца Николая отправляют в Свято-Духов монастырь на допрос к Райбергу. Прошедший вторичную инициацию Перовский обвиняет в его лице власть, обрекающую людей на смерть телесную и духовную:

« – Вы антихристы, перевертыши! Вы обратное отражение живых и верующих! Потому вы и мертвы пребудете из века в век...» [с. 71].

«Год великого перелома» – роман, название которого имеет не столько хроникальный, сколько метафорический смысл, время осознается в контексте откровения Иоанна Богослова, и образ Спасо-Прилуцкого монастыря встраивается в апокалиптическую картину мира. Монастырь становится символическим образом, обобщающим мотив страдания обычного человека, на которого направлены разрушительные действия новой власти.

При всей разности идейных структур повести К. Коничева «В году 30-м» и романа В. Белова «Год великого перелома» Прилуцкий монастырь выполняет в обоих произведениях важную сюжетную и идейную функцию. Это переломный момент в судьбах героев, отсюда начинается их путь в иную историческую реальность.

(Источник публикации: Федорова А.В. Спасо-Прилуцкий монастырь в повести К. Коничева «В году 30-м» и в романе В. Белова «Год великого перелома» // Беловский сборник. – Вып. 4. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – С. 91–97.)

Анна Федорова

СПАСО-ПРИЛУЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПОВЕСТИ К. КОНИЧЕВА «В ГОДУ 30-М» И В РОМАНЕ В. БЕЛОВА «ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Одна из наиболее значительных тем в отечественной литературе XX века – коренные изменения, произошедшие в стране в ходе коллективизации. Представленная с разных идейно-эстетических позиций, она становится определяющей в произведениях М. Шолохова («Поднятая целина»), Ф. Панферова («Бруски»), А. Платонова («Чевенгур» и «Котлован»), Б. Можаяева («Мужики и бабы»), В. Быкова («Облава»).

В творчестве вологжан тема «коллективизация и жизнь колхозной деревни» является достаточно устойчивой. Ей посвящены стихотворения и поэмы С. Викулова («На покосах», «Доска почета», «По праву земляка», «Преодоление», «Письма из деревни»). Она объединяет ряд повестей К. Коничева («Тропы деревенские», «По следам молодости», «Деревенская повесть»). И Викулов, и Коничев убеждены в необходимости осуществляемых перемен. Иная точка зрения представлена в трилогии В. Белова «Час шестый», в которой голос обретают крестьяне, причисленные к «кулацкой верхушке», выселенные из родных домов, отправленные в лагерь и тюрьмы.

Остановимся на двух произведениях вологодских авторов, посвященных теме коллективизации. Между повестью К. Коничева «В году 30-м» и романом В. Белова «Год великого перелома» можно обнаружить ряд идейно-образных перекличек. Наиболее очевидная параллель – поэтика заглавий произведений, акцентированных с точки зрения временных категорий.

События происходят в одно время, общим пространством для них является Вологда, где разворачивается значительная часть сюжета. Прибытие в Вологду спецпереселенцев сопровождается мотивом «неслыханных перемен», ломающих жизненный уклад крестьян. К. Коничев: «По всей стране шла массовая коллективизация <...> Эшелон за эшелонам двигались на север поезда с Украины и Белоруссии <...> И в этом движении поездов было что-то нео-

бычайное, неслыханное, невиданное и неожиданное»¹. В. Белов: «Детский плач и женские причитания не стихали в вагоне. Последние наказания через стенку <...> крики конвойных <...> сливались в сплошную разноголосую звуковую путаницу <...> Все путалось в мире и вставало с ног на голову»² [с. 58].

Одним из таких смысловых сдвигов оказывается размещение героев в вологодских церквях и монастырях, превращенных в тюрьмы. В повести Коничева этот факт не вызывает рефлексии, он оценивается только с точки зрения целесообразности: «К приему и расселению раскулаченных местные организации на севере не были готовы... в Вологде было много пустующих церквей. Вспомнили тогда и о забытых монастырях и подворьях. Они также пригодились как временные жилища для раскулаченных». Ключевое слово здесь – жилище, и при описании происходящего внутри монастырских стен акцент делается на бытовой организации жизни: «Прибывшие с Украины куркули с семьями разместились <...> в церквях и монастырских служебных домах <...> сидели около костров, грелись, кипятили воду, что-то варили, что-то выпекали на сковородках и шумно балакали».

В обоих произведениях монастырские эпизоды несут важную смысловую нагрузку. В вологодском топосе выделены два монастыря: Свято-Духов, в котором расположено местное отделение ГПУ, и Спасо-Прилуцкий, превращенный в тюрьму для высланных на север украинцев. В Свято-Духовом происходят диалоги между персонажами, олицетворяющими новую идеологию (Касперт у Коничева и Райберг у Белова), дистанцированными от происходящей крестьянской трагедии, с людьми, которые с этой трагедией сталкиваются непосредственно (Касперт отправляет молодого сотрудника в Прилуки, чтобы сопровождать «куркулей» под Тотьму, из Прилук доставлен на допрос к Райбергу поп Рыжко).

Позиция повествователя в описании монастырского пространства у обоих авторов адекватна внутреннему миру героев, являющихся субъектами видения. Под субъектом видения понимается тот персонаж, чей угол зрения определяет содержание описания. Заме-

¹ Коничев К.С. В году 30-м [Электронный ресурс] / К. Коничев. – Режим доступа: litresp.ru. (Текст повести цитируется по этому источнику.)

² Белов В.И. Год великого перелома. Час шестой // Белов В.И. Собрание сочинений: в 7-ми т. – Т. 4. – М.: РИЦ «Классика», 2011. (Текст произведения цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в квадратных скобках.)

тим, что Коничев и Белов используют разные повествовательные структуры. В повести Коничева точка зрения повествователя соотносится с позицией одного персонажа, являющегося проводником государственной идеологии в крестьянском вопросе. Читатель видит происходящее в Прилуцком монастыре глазами Ивана Судакова, двадцатипятилетнего сотрудника ГПУ. Его нельзя назвать человеком-функцией, как Касперта:

« – Сегодня же поведете по одному из своих маршрутов семьсот кулаков вот сюда, в северную часть Тотемского уезда... <...>

– Понятно. Откуда людей будем брать?

– Не людей, а кулаков, – поправил начальник. – Из-за стен Прилуцкого монастыря».

Судаков способен сочувствовать людям, которых сопровождает: «Куркули – куркулями, а отношение к ним чтоб человеческое». Эту особенность героя отмечает повествователь: «Подчас чувство жалости проникало и в его сознание». Сомнение относительно правильности происходящего, закрадывающееся в сердце Судакова, укрепится, когда придет письмо от отца, которого власти «жмут и жмут».

Однако он убежден в исторической необходимости происходящего. Именно этот персонаж формулирует идею повести: «великий перелом – правильный перелом». Впоследствии Судаков отправится «поднимать колхозы», в будущее которых верит безоговорочно.

В целом у Коничева соответственно традициям шолоховской «Поднятой целины» используется достаточно жесткая идеологическая схема: персонажи отчетливо разделены на «своих» и «чуждых». Выселение с родных земель «куркулей» с Украины и с юга России и вологодских «кулаков» – необходимая мера в процессе коренного переустройства деревни.

Но с властью, по крайней мере, возможен диалог. В повести Коничева переселенцы выясняют имя ее представителя и вступают с Судаковым в разговор. Несмотря на «злобную покорность судьбе», они пытаются узнать, что их ждет в будущем, надеются на торжество социальной справедливости. Шалюпа характеризует масштаб трагедии: «у нас на Украине такая содомия и гомерия происходит – хуже всякой войны! <...> Гнут, загигают, высылают и баста!.. Ох, чем это кончится?..»

Хотя Судаков не отвечает на эти реплики, он слышит голоса гонимых, различает их по именам и даже впоследствии сам ищет контакта с Охрименко. Заметим, что в романе Белова власть для со-

державшихся в Прилуках украинцев совершенно анонимна, ее безмолвным символом является часовая, существующий вне реального исторического времени: «На смотровой башне, как в смутные времена, перетаптывался воин, смотрящий, но выглядывал он не наружных врагов, а обитателей внутренних» [с. 64].

Внутреннее пространство Спасо-Прилуцкого монастыря в романе В. Белова увидено глазами двух персонажей: украинки Параски и священника Перовского. Столь разные персонажи встречаются случайно: Перовский перевозил украинцев из Московской тюрьмы в церковь Андрея Первозванного, в качестве возчика сопровождает их в Прилуки. Параска и Перовский выступают как своеобразные двойники, что подчеркивается созвучием ее имени и его фамилии. В восприятии обоих Прилуцкий монастырь становится символом перевернутого мира. Оба героя как будто выпадают из реальности и погружаются в прошлое.

Параска, уже покорившаяся обстоятельствам, приближаясь к монастырю, «возвращается» на Украину: «время опять кидало ее далеко назад. В глазах плыли <...> золотые маковки Киевской Лавры <...> Только что же это такое? Соборные маковки стали вроде не те <...> и Лавра была вроде не Лавра... <...> Прилуцкий северный монастырь встретил Параску холодным ужасом» [с. 62]. Первые минуты ее пребывания в монастыре наполнены душевным и физическим страданием: «силы совсем ее покинули. Память <...> растаяла, и Параска провалилась во тьму. Она <...> бросилась, как затравленная, в сторону плачущего ребенка <...> У нее что-то обрушилось внутри от страха» [с. 63].

В отличие от повести Коничева, где мужчин уводят уже из монастыря, в беловском романе их отделяют от семей еще на вокзале, в пересыльных пунктах оказываются только старики, женщины и дети. Предельно повышается ощущение человеческого горя, выразителем которого и является в этом эпизоде Параска: «...за что же, за что посылает Господь такие страдания и муки?» [с. 62].

Ответ на этот вопрос ищет и Перовский, с точки зрения которого дается дальнейшее описание монастыря. Но он размышляет не столько о своей личной судьбе, сколько об исторических судьбах всего народа.

Среди основных содержательных элементов образа монастыря в восприятии бывшего священника доминантную роль играет мотив холода. И в повести Коничева, и в романе Белова перемещение героев с юга на север связано с температурным дискомфортом: «В

марте на юге России зима свертывалась. Земля местами обнажалась <...> На севере свирепствовали крепкие морозы и лежали глубокие снега: до настоящей весны здесь оставалось еще два месяца» (Коницев). У Белова мотив стужи обретает и метафизический смысл: холод проникает в сердце, опустошает душу героев. Этот мотив вступает в смысловое сцепление с мотивами болезни и смерти: «...на морозе запах сквозного поноса стал еще пронзительнее. Тиф гулял по монастырю в одном строю с дизентерией. "Перемешалось дерьмо и толокно, – подумал Перовский <...> – Уже разверсты врата преисподней... Да и чем лучше поверх-то земли?"» [с. 63].

Образ монастыря в сознании Перовского прочно связан с адом, в создании этой параллели важны свет и цвет (точнее, их отсутствие), звуки и запахи: тьма, шум, теснота, холод и вонь испражнений: «бесчинствовал холод <...> ночной сумрак уже нарождался под сенью юго-западных стен»; «В соборе было холодно, стены заиндевели, человеческий муравейник не стихал круглые сутки. Круглые сутки скрипели, грохотали железные двери, круглые сутки плакали дети, стонали старые люди, и круглые сутки витал под сводами запах жидкого кала» [с. 65]. «Монастырь являл собой странный, как бы не совсем и здешний образ: собор стоял посреди человеческого кала, горящих костров и каких-то жалких пожитков» [с. 63–64].

Эти не характерные для монастырской жизни явления вызывают у бывшего священника «смуту душевного раздвоения» [с. 63] и напоминают о смутах исторических. В «перевернутом» монастырском пространстве болезненно-острым становится ощущение «зазеркальности» исторического времени, которое, «словно оставленное под этими сводами, иногда <...> срывалось в далекое прошлое, и отец Николай явственно слушал, как пели сорок монахов, заживо сжигаемые в деревянном Прилуцком храме. То были тоже смутные времена» [с. 65]. Белов обращается здесь к известным фактам (монастырь существенно пострадал в годы Смуты), в частности, к событиям, произошедшим в декабре 1619 года, когда во время нападения литовцев и «русских воров» были заживо сожжены находившиеся в трапезной монахи.

Современной параллелью этих событий являются судьбы ленинградских священников, епископа Великоустюжского и викария Вологодского Иерофея, и патриарха Тихона. Строки из послания патриарха Перовский вспоминает в Прилуках: «Гонения воздвигли на истину Христову <...> враги сей истины и стремятся к тому,

чтобы <...> вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани...» [с. 65–66]. Логика соотнесения событий начала XVII века с современностью реализует авторскую концепцию исторического времени как замкнутого круга, неизбежной повторяемости Великой Смуты в судьбе России, а трагедия крестьян обретает масштаб общехристианский.

В монастыре отец Николай переживает духовный кризис, оказывается в экзистенциальной ситуации: в абсурдном мире, символом которого становится оскверненная святыня, он обречен быть Хароном-Сизифом, перевоза тела умерших из Прилуки на Горбачевское кладбище, чувствовать себя «богооставленным», отступившим от веры: «Да и во Христа-то уже веришь ли?» [с. 66]. Это ощущение становится особенно страшным, когда Перовский не может вспомнить полный текст Символа веры и приходит к мысли, что служит бесам. После этого он все-таки произносит 37 псалом: «... несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих <...> Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего...» [с. 66–67]. Далее следует сон Перовского, в котором мир переворачивается с ног на голову: «Реют белые легкие облака <...> не вверху, а внизу» [с. 67]. Во сне он «переживает» собственную смерть как отступник от веры, слышит чей-то голос, читающий молитву: «Через бурю напастей по житейскому морю притекаю к тихому пристанищу и молю Тебя: спаси от тления живот мой... <...> Призри на мя свыше, милость Божия, увидев Тебя, от тела отойду радуясь» [с. 67]. Пробуждаясь, Перовский понимает, что его безымянный двойник «подпольный батюшка», отпевает какого-то Андрея. С ним самим происходит чудо духовного воскрешения в роли пастыря, и он готов пострадать за веру и за право узников Спасо-Прилуцкого монастыря на последнее таинство: « – Кто тут ночью разводил панихиду? – звонко воскликнул веселый пришелец. – Ну? Не скажется сам, всех выпотрошу на мороз! хоть вы и куркули, а передохнете, как тараканы! <...> Николай Иванович поднялся и вдруг громко на весь собор воскликнул: – Я поп!» [с. 68–69].

Из Прилуки отца Николая отправляют в Свято-Духов монастырь на допрос к Райбергу. Прошедший вторичную инициацию Перовский обвиняет в его лице власть, обрекающую людей на смерть телесную и духовную:

« – Вы антихристы, перевертыши! Вы обратное отражение живых и верующих! Потому вы и мертвы пребудете из века в век...» [с. 71].

«Год великого перелома» – роман, название которого имеет не столько хроникальный, сколько метафорический смысл, время осознается в контексте откровения Иоанна Богослова, и образ Спасо-Прилуцкого монастыря встраивается в апокалиптическую картину мира. Монастырь становится символическим образом, обобщающим мотив страдания обычного человека, на которого направлены разрушительные действия новой власти.

При всей разности идейных структур повести К. Коничева «В году 30-м» и романа В. Белова «Год великого перелома» Прилуцкий монастырь выполняет в обоих произведениях важную сюжетную и идейную функцию. Это переломный момент в судьбах героев, отсюда начинается их путь в иную историческую реальность.

(Источник публикации: Федорова А.В. Спасо-Прилуцкий монастырь в повести К. Коничева «В году 30-м» и в романе В. Белова «Год великого перелома» // Беловский сборник. – Вып. 4. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – С. 91–97.)